

УДК 343.21

DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(1)-136-153

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРА КАК ВНЕШНИЙ ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА СИСТЕМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ВОИНСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК

Бодаевский В. П.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье раскрываются и исследуются вопросы влияния международного права, прежде всего международных договоров, на формирование и функционирование системы уголовно-правовых норм, обеспечивающих воинский правопорядок. Автором обосновывается утверждение, что между отечественной системой правовых норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану воинского правопорядка, и международным правом преимущественно действуют иерархические и координационные связи. Отмечается, что эти связи обуславливают уже давно назревшую необходимость проведения ревизии всей системы отечественного уголовного законодательства, в том числе и системы военно-уголовных норм, на предмет их адаптации и соответствия предписаниям международного права, международным договорам, участницей которых является Российская Федерация. Система военно-уголовных норм, в силу своей специфики, должна не только учитывать, но и конкретизировать указанные предписания (например, терминологические конструкции «воинские преступления, не являющиеся преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом», «вооруженный конфликт», «военные действия»), а некоторые из них требуют имплементации в национальный уголовный закон, что позволит устранить существующие противоречия в данных отраслях законодательства и будет способствовать улучшению качества УК РФ.

Ключевые слова: межотраслевые связи, нормативные предписания, воинский правопорядок, международные договора, внешние факторы, система уголовно-правовых норм, терминологические конструкции, имплементация, уголовный закон, уголовная ответственность военнослужащих.

К внешним детерминантам системы военно-уголовных норм, наряду с другими факторами, справедливо относят общепризнанные принципы и нормы международного права, прежде всего, международные договора. Вместе с тем, отечественная доктрина не дает однозначного ответа на вопросы, являются ли перечисленные составляющие международного права формальными или материальными источниками уголовного права России, а также, что следует понимать под этими категориями и как они соотносятся между собой? Не вдаваясь в полемику по данным вопросам, поскольку они являются научной проблемой, требующей самостоятельного исследования, необходимо указать следующее. Преобладающим в отечественной юридической литературе является мнение о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права, в том числе международные договора, относятся к материальным источникам уголовного права. В основе его обоснования лежит разделение предметов правового регулирования уголовного и международного права. Что касается понятия и соотношения вышеуказанных составляющих последнего, то, как констатирует В.П. Коняхин, они не равноценны по своему объему: понятие общепризнанных принципов и норм международного права – шире и частично охватывает понятие международных договоров. Общепризнанные принципы и нормы, включают в себя договора, т.е. включают как «неписанные» (обычные) нормы, так и определенную часть «писанных» (договорных) норм. По мнению данного ученого,

это объясняется отсутствием единого критерия их классификации. Однако, Конституция РФ (ч. 4 ст. 15) отводит им разное место в правовой системе России «доминирующее – для всех норм международных договоров и ординарное – для всех тех общепризнанных принципов и норм международного права, формой выражения которых является обычай» [1, с. 90-92].

Значение международного договора и способы его применения, в общих чертах, определены в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и детализируются в ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ (далее – Закон № 101-ФЗ). В частности, в п. «а» ст. 2 этого Закона, раскрывается понятие международного договора РФ, под которым понимается международное соглашение, заключенное РФ с иностранным государством (или государствами), с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры, в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования. В свою очередь, ч. 3 ст. 5 Закона непосредственно дополняет указанную конституционную норму: «Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты». Согласно его ст. 15, среди прочих оснований, по которым международные договоры РФ подлежат ратификации, необходимо выделить: «исполнение которых требует изменения действующих или принятия новых федеральных законов, а также устанавливающие иные правила, чем предусмотренные законом» (п. «а» ч. 1).

Цитируемые и другие предписания названного Закона, а также анализ юридической литературы указывают на два возможных способа применения международных договоров: непосредственно и опосредованно, через национальное уголовное право. Применение международного права через уголовно-правовые предписания России может осуществляться посредством: а) бланкетности диспозиции предписания – отсылки к нормам международного права; включения в текст уголовного закона терминов или терминологических оборотов (конструкций) международного права (разновидность бланкетности) [2, с. 377]; б) рецепции международного права – нормы международного права текстуально включаются в уголовный закон без каких-либо изменений; в) имплементации международного права – существующая или вводимая уголовно-правовая норма адаптируется внутренним законодателем во исполнение международного договора [3, с. 234; 4, с. 362].

По-нашему мнению, указанные предписания названного Закона свидетельствуют о субординационной (иерархической) и корреспондирующей зависимости между нормами международных договоров и УК РФ.

Субординационные связи обусловлены местом международных договоров в иерархии нормативных актов национальной правовой системы России, которое определено предписаниями ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ч. 2 ст. 5 Закона № 101-ФЗ, согласно которых принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются частью правовой системы России. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотрены национальным законо-

дательством, то применяются правила международного договора. Данный порядок не распространяется только, разве что, на предписания Конституции РФ. Надо отметить, что цитируемые предписания находятся в прямой коллизии с ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ, поскольку последние устанавливают правило, согласно которым преступность и наказуемость определяются исключительно УК РФ, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ. В силу верховенства предписаний Конституции РФ такая коллизия должна разрешаться в пользу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

По мнению В.П. Коняхина, самоисполнительность международного правового акта свойственна преимущественно сфере применения Общей части уголовного закона, хотя она не исключается и при применении его Особенной части, но такая вероятность ничтожна мала [1, с. 90-92]. Как отмечается в юридической литературе, это возможно, когда нормы международного договора блокируют применение уголовно-правовых предписаний, находящихся в противоречии с ними [5, с. 20], в остальных случаях они несамоисполнимы [6, с. 137-138; 7, с. 92-93].

Международные договоры РФ применяются напрямую в двух случаях: а) при наличии коллизии между предписаниями международного акта и корреспондирующими им уголовно-правовыми предписаниями Общей части уголовного закона; б) при наличии в последней пробелов и возможности их восполнения за счет международно-правовых предписаний без принятия трансформационного нормативного акта [1, с. 256].

Исследуя проблему влияния международного права на уголовный закон М.С. Кириенко приводит два основных его направления, о которых указывают многие отечественные ученые. Первое, заключается в идейном, мировоззренческом воздействии международного права, под которым уголовное законодательство изменяется (трансформируется). Второе, в приемах законодательной техники. Международно-правовые акты наполняют содержанием элементы системы уголовного закона [8, с. 81-83]. Такая зависимость обуславливает наличие их корреспондирующей взаимосвязи.

Указанная позиция нашла свое отражение в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», где отмечается, что международные договоры, содержащие признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться непосредственно, так как они устанавливают не уголовную ответственность, а обязанность государств установить ее в своем национальном законодательстве. Однако, международно-правовые нормы могут непосредственно применяться, когда норма УК РФ прямо это устанавливает. Следовательно, взаимосвязь между нормами международных актов, предусматривающих составы преступлений, и Особенной части уголовного закона в основном обладают корреспондирующими свойствами.

В рамках системы действующих военно-уголовных норм международные договора преимущественно воздействуют на институт особенностей уголовной ответственности военнослужащих и должны учитываться при формировании традиционного для российского уголовного права института ответственности за преступления,

совершаемые против воинского правопорядка в военное время и в боевой обстановке, существование которого заявлено предписаниями ч. 3 ст. 331 УК РФ¹.

Применительно к институту особенностей уголовной ответственности военнослужащих это влияние осуществляется на предписания закона: о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на военном корабле или военном воздушном судне России, независимо от места их нахождения (ч. 3 ст. 11 УК РФ); о действии уголовного закона в отношении военнослужащих воинских частей России, дислоцирующихся за пределами РФ (ч. 2 ст. 12 УК РФ); об обстоятельствах, отягчающих наказание военнослужащих за совершение преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий (п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Примером военно-уголовных предписаний, сформулированных путем отсылки к нормам международного права (бланкетным способом), могут служить предписания, определяющие пределы действия уголовного закона.

Так, реализация предписаний, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УК РФ, относительно военного корабля или военного воздушного судна России, во многом зависит от обязанности государства, на территории которого они пребывают, либо, когда такой корабль или воздушное судно находятся в открытом водном или воздушном пространстве, вне пределов РФ, признать сферу действия УК РФ на данных объектах. В мировой литературе, в международной практике и законодательстве для обозначения сферы действия закона используют термин «юрисдикция». А когда речь идет о действии закона за пределами государства, используют понятие «экстратерриториальная юрисдикция». По объему юрисдикцию принято разделять на «полную» и «неполную» («ограниченную»). Под полной юрисдикцией понимают власть государства устанавливать обязательные правила поведения и обеспечивать их реализацию всеми законными средствами, которые имеются в его распоряжении. Соответственно, при неполной (ограниченной) юрисдикции государство, устанавливая обязательные правила поведения, ограничено в использовании средств, обеспечивающих их выполнение [9, с. 38; 10, с. 220].

Обязанность государств, признать уголовно-правовую юрисдикцию России на указанные объекты, устанавливается, например, Конвенцией ООН по морскому праву от 10.12.1982 г. и Хельсинского договора по открытому небу от 24.03.1992 г., которые и сегодня остаются актуальными для всего мирового сообщества. Нормативные предписания этих документов международного права связаны с юридическими категориями «право флага» и «территория государства» [10, с. 226]. Военный корабль в иностранных водах – плавающая часть государства, флаг которого он несет. Поэтому такой корабль имеет исключительный иммунитет относительно юрисдикции любого государства. Военный корабль со всем личным составом и грузом остается под «абсолютным обычным иммунитетом» государства его флага, независимо от того, находится он в открытом море, в территориальных водах другого государства или иностранном порту, и для этого не нужно заключать соответствующее соглашение. Против него невозможно начать какое-либо судопроизвод-

¹ В теории уголовного права принято считать, что система военно-уголовных норм структурируется в три института: 1) уголовной ответственности военнослужащих; 2) ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в мирное время; 3) ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в военное время и в боевой обстановке.

ство со стороны иностранного государства, ни одно должностное лицо другого государства не может вступить на борт корабля без разрешения его командира. Все преступления, которые совершены на борту корабля лицами, находящимися на службе, подлежат полной юрисдикции государства права. Кроме того, все преступления, совершенные ими при прохождении военной службы на территории государства пребывания, также подлежат полной юрисдикции государства флага [10, с. 226]. Аналогичные правила установлены и для военных воздушных объектов, независимо от места пребывания, за пределами воздушного пространства государства флага.

На положениях данных правил сформулированы и нормативные предписания ч. 8 ст. 11 Модельного Закона «Об участии государства – участника СНГ в миротворческих операциях», принятого 17.04.2004 г. на 23 пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств, – участников СНГ, где, в частности, указывается, что из-за отсутствия соглашения между участником СНГ и принимающей стороной, применяются следующие принципы: «...государство – участник СНГ осуществляет в соответствии с национальным законодательством правовое преследование лиц, входящих в состав военного или гражданского персонала, подозреваемых (обвиняемых) в преступлениях, совершаемых по месту проведения миротворческой операции» [10, с. 227].

Исследуя генезис изложенных предписаний Я.Н. Ермолович указал, что они имеют давние исторические корни, армия и ее отдельные части в дореволюционной теории международного права традиционно сравнивались с подвижными крепостями, переносившими территорию государства за ее реальные пределы, на том же основании, как и военные корабли. На такой территории действовал запрет судимости российских военнослужащих по местным законам и местными судами [11, с. 43-44; 12, с. 211, 221].

В современном уголовном законе указанная особенность его экстерриториального действия в отношении военнослужащих нашла свое отражение не только в ч. 3 ст. 11 УК РФ, но и в покровительственном принципе, закрепленном в ч. 2 ст. 12 УК РФ. Ее предписания служат еще одним примером отсылки к нормам международного права, причем, с прямым указанием на международные договора.

В основе этого принципа лежат международные нормативные акты двух групп (видов): 1) регламентирующие юрисдикцию войск одного государства на территории другого, находящихся на положении военного времени (например, с целью совместной обороны данной территории или при ее оккупации); 2) регламентирующие юрисдикцию войск на территории другого государства, находящихся на положении мирного времени: при размещении ограниченных контингентов и других войск, в целях обеспечения военной безопасности; при выполнении союзнических обязательств в целях коллективной безопасности и обеспечения совместной обороны определенной территории, в случае войны; при защите национальных интересов в Мировом океане (при осуществлении военно-морского присутствия и демонстрации флага, защите судоходства, промысловой и других видов деятельности, при участии в военно-политических акциях и др.); при участии в операциях по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности; при участии в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил; при пресечении международной террористической деятельности за

пределами территории государства и участия в совместных контртеррористических операциях; при осуществлении разведывательной деятельности; при проведении совместных военных учений; при совместной охране государственных границ.

Что касается вида международных нормативных актов и формы международных соглашений (договоров), регламентирующих миротворческую деятельность, то необходимо заметить, что они зависят от того, в рамках какой международной организации осуществляется миротворческая деятельность (ООН, СНГ, ОДКБ, ОБСЕ и других) и какое правовое регулирование этих отношений в ней осуществляется [13, с. 191].

На сегодняшний день международная практика государств при регулировании исследуемых отношений допускает заключение отдельных соглашений (преимущественно двусторонних), иногда обмен дипломатическими нотами или устные соглашения (последние являются присущими для миссий SOFA), где направляющее государство может закрепить необходимый определенный объем правовых гарантий для своих военнослужащих и других лиц в составе миротворческого персонала, а принимающее государство, напротив, ограничить эту юрисдикцию, в соответствии с международным правом [13, с. 192-193]. Так, например, Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (UN Doc. A/45/594) от 09.10.1990 г. и (UN Doc. A/46/185) от 23.05.1991 г. были утверждены «Типовое соглашение о статусе сил для проведения операций по поддержанию мира» и «Типовое соглашение между ООН и государствами-членами, которые предоставляют персонал и оборудование для операций ООН по поддержанию мира». О необходимости заключения таких соглашений, предусматривает и ст. 11 Модельного Закона «Об участии государства – участника СНГ в миротворческих операциях» от 17.04.2004 г.

По подсчетам Я.Н. Ермоловича, начиная с 1991 г. Российской Федерацией заключено более 170 международных договоров и соглашений, в которых, так или иначе, затрагивались вопросы определения уголовной юрисдикции российских военнослужащих, проходящих службу на территории иностранных государств [11, с. 47].

В результате ведения боевых действий воинские формирования РФ, на что уже обращалось внимание, могут занимать территорию иностранного государства, как противника в войне, так и союзника, который ранее подвергся оккупации противника. Вопрос о действии, в этом случае, российского уголовного закона разрешается на основании Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18.10.1907 г. (Гаага), согласно смысла ст. 43 которой, с фактическим переходом власти к неприятелю, занявшему территорию другого государства, последний обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько это возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы. Вместе с тем, предписания статей 64-78 Женевской Конвенции о защите гражданского населения во время войны от 12.08.1949 г. (Женева)² дают право оккупирующему государству, дабы исключить угрозу безопасности интересам последнего (личного состава и имущества оккупационных войск или администрации, а также используемых ею объектов и коммуникационных линий) и препятствия применения данной Конвенции, распространять свою юрисдикцию на

² Конвенция ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17.04.1954 г.

население оккупированной территории³. Однако, согласно ч. 1 ст. 43 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12.08.1949 г. (Протокол I) от 08.06.1977 г., указанные меры не должны противоречить нормам международного права [14, с. 42]. Разумеется, исходя из указанных и других угроз для своих войск, оккупирующее государство распространяет в отношении них свою полную юрисдикцию.

С проблемами установления уголовной юрисдикции на оккупированных территориях и полной юрисдикции в отношении военнослужащих, связаны вопросы определения юрисдикции военнопленных. Регламентация этих общественных отношений в РФ служит примером полной рецепции норм международного права (применения напрямую), в случае совершения военнопленными воинских преступлений, предусмотренных национальным уголовным законом.

Военнопленными могут быть не только оказавшиеся в российском плену военнослужащие неприятельской державы, но и попавшие во власть неприятеля российские военнослужащие. Действующее военное законодательство России, а именно, предписания ч. 1 ст. 37 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ, устанавливает, что военнослужащие сохраняют за собой свой статус при нахождении в плену, за исключением случаев добровольной сдачи в плен.

Международное право рассматривает в качестве военнопленных кроме военнослужащих еще и гражданский персонал, а также лиц, не имеющих статуса военнослужащего, принимающих участие в войне в составе вооруженных сил, подпадающих под следующие требования: а) они имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; б) имеют определенные и явственно видимые издали отличительные знаки; в) открыто носят оружие; г) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны [11, с. 50].

Правовое положение и вопросы уголовной юрисдикции военнопленных регламентированы Женевской Конвенцией об обращении с военнопленными от 12.08.1949 г. (Женева). В соответствии с ее ст. 82, военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах держащего их в плену государства. При совершении преступлений, они несут ответственность по уголовному законодательству страны, у которой данные лица находятся в плену, применяемому в отношении ее военнослужащих. Преступность и наказуемость военнопленных, должна соответствовать установленной для военнослужащих держащего в плену государства и не противоречить данной Конвенции.

По законодательству государства, в плену которого находится военнопленный, наступает уголовная ответственность и за совершение указанным лицом преступлений до взятия его в плен. Держащая в плену держава не может лишить ни одного военнопленного его звания или возможности носить знаки различия. В случае вынесения военнопленному смертного приговора последний приводится в исполнение не ранее чем по истечении шестимесячного срока со дня получения державой-покровительницей по указанному ею адресу подробного сообщения. Военнопленные отбывают наказания по вступившим в законную силу приговорам,

³ В теории уголовного права распространение уголовной юрисдикции государства на оккупированную им территорию и ее население получило название оккупационного принципа действия уголовного закона в пространстве.

в тех же учреждениях и в тех же условиях, что и лица из состава вооруженных сил держащей в плену державы. Данные условия должны, во всяком случае, отвечать требованиям гигиены и гуманизма.

Особенностью уголовной ответственности иностранных военнопленных является возможность нести такую ответственность за преступления, предусмотренные гл. 33 УК РФ, – против военной службы. Вместе с тем, несмотря на возможность прямого применения указанных предписаний международного права, данная особенность никак не отражена в действующем российском уголовном законодательстве, что создает некий диссонанс между этими предписаниями и содержанием ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 2 и ст. 3 УК РФ.

Полная уголовная юрисдикция войск, о чем уже отмечалось ранее, возникает и когда они принимают участие в вооруженных конфликтах за пределами России под эгидой указанных организаций. В теории международного права преобладает мнение (например, его высказывали И.М. Коропатник, Г.М. Мелков и Б.Р. Тузмухамедов), нашедшее свое нормативное закрепление во многих международных актах, о том, что такие воинские подразделения (даже те, которые действуют по мандату ООН) являются законными участниками вооруженных конфликтов и обладают статусом комбатанта [15, с. 79; 16, с. 23].

На уровне национального законодательства, порядок предоставления Россией своего военного и гражданского персонала, организации его подготовки и обеспечения для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности, осуществляется на основании ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» от 23.06.1995 г. № 93-ФЗ, с учетом предписаний международного права, в том числе и на основании двусторонних, либо многосторонних, международных договоров РФ (ст. 2).

По данным Министерства Обороны РФ, воинские подразделения и отдельные военнослужащие России брали, например, участие: 1) в миссиях ООН – участвовали в предотвращении или ликвидации междоусобных и межнациональных конфликтов как на территории республик бывшего СССР, так и в странах дальнего зарубежья. География таких мест обширна: Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, Таджикистан, Босния и Герцеговина, Косово, Метохия, Ангола, Чад, Сьерра-Леоне и Судан. Кроме того, Россией, в миссии ООН направлялись военные наблюдатели на Ближний Восток, в Западную Сахару, в ДР Конго; 2) в миссиях Организации Договора о коллективной безопасности, для чего, в октябре 2007 г., был сформирован контингент, который предназначен, прежде всего, для участия в операциях по поддержанию мира на территориях государств-членов ОДКБ (по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ), а также за пределами этих государств (на основании Мандата выдаваемого Советом Безопасности ООН); 3) в военной операции в Сирии, по приглашению этого государства, против террористических формирований «Аль-Каиды», «Исламского государства» и «Джехат ан-Нусра», с сентября 2015 г. по настоящее время; 3) в миссиях и операциях по поддержанию международного мира и безопасности, для чего была сформирована миротворческая 15-я отдельная мотострелковая бригада (получившая почетное название «Александровская»). Ее личный состав по решению Президента РФ может входить в миротворческие контин-

генты, в интересах СНГ, ООН, ОБСЕ, Совета Россия-НАТО и Шанхайской организации сотрудничества. В настоящее время эта бригада выполняет миротворческие задачи под эгидой ООН в зоне вооруженного армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе [17].

Как указывает Я.Н. Ермолович, начиная с 1991 г. миротворческие подразделения Вооруженных Сил РФ принимали участие в восемнадцати миротворческих операциях [11, с. 45]. На сегодняшний день воинские формирования РФ дислоцируются на территориях не менее 10 государств (Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Республики Армения, Сирийской Арабской Республики, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Абхазия, Республики Южной Осетии). Пограничные органы ФСБ России дислоцированы на территориях 5 государств. В местах дислокации российских воинских формирований, как правило, действуют и органы военной юстиции (военные суды, военная прокуратура, военные следственные органы и органы военной полиции) [11, с. 45].

В качестве аргумента, в подтверждение указанному, приведем предписания основных базовых нормативных актов международных организаций и договоров (соглашений), относительно уголовной юрисдикции боевых подразделений войск России, участвующих в операциях на территории иностранных государств.

Так, в соответствии с Конвенцией «О привилегиях и иммунитетах Объединённых Наций», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13.02.1996 г., Конвенцией «О безопасности ООН» от 09.12.1994 г., Протоколом «О статусе Групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира в СНГ» от 15.05.1992 г. (Ташкент), Договором «О коллективной безопасности» от 15 мая 1992 г. (Ташкент), военнослужащие, в период прохождения службы в составе специального воинского контингента, пользуются статусом, привилегиями и иммунитетом, которые предоставляются персоналу ООН при проведении операций по поддержанию мира. Данные предписания получили свое дальнейшее развитие в п. 1.1 раздела I Бюллетеня Генерального секретаря ООН (в дальнейшем Бюллетень ГС ООН) от 06.08.1999 г. (ST/SGB/1999/13) под названием «Соблюдение силами Организации Объединённых Наций норм международного гуманитарного права», где указывается, что: «Основопологающие принципы и нормы международного гуманитарного права, изложенные в настоящем бюллетене, применяются к силам Организации Объединённых Наций, когда, находясь в ситуации вооруженного конфликта, они активно принимают участие в нем в качестве комбатантов». В разделе II, этого Бюллетеня, регламентируется, что: «Настоящие положения... не подменяют собой национальные законы, которые остаются обязательными для военного персонала в ходе всей операции». А в его разделе IV отмечается, что: «В случае нарушения норм международного гуманитарного права военнослужащие сил ООН подлежат судебному преследованию в своих национальных судах». Такие же по смыслу предписания предусмотрены и п. 30 раздела VII Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности (базового документа ОБСЕ) от 03.12.1994 г., где, в частности, указывается, что: «Каждое государство-участник будет обеспечивать, чтобы личный состав его вооруженных сил был ознакомлен с положениями международного гуманитарного права, международными гуманитарными правилами, нормами и обязательствами, касающимися вооруженных конфликтов, а также

осведомлен о том, что он несет индивидуальную ответственность, согласно национального законодательства и международного права за свои действия».

Как и базовые международные нормативные акты, договоры РФ, регламентирующие правовой статус войск, дислоцированных за пределами России, находящихся на положении военного времени, также предусматривают полную уголовно-правовую юрисдикцию. Типичным примером этому, являются предписания ч. 3 ст. 6 Соглашения Российской Федерации и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26.08.2015 г., согласно которых, военнослужащим российской авиационной группы и членам их семей предоставляются иммунитеты и привилегии аналогичные тем, которыми обладает дипломатический персонал дипломатического представительства и члены их семей, в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18.04.1961 г.

В отличие от международных договоров РФ, регламентирующих юрисдикцию российских войск, дислоцированных на территории другого государства, находящихся на положении военного времени, подобные международные договора для мирного времени по-разному определяют уголовную юрисдикцию военнослужащих.

Например, привилегиями и иммунитетами уголовной юрисдикции, предусмотренными в отношении административно-технического персонала дипломатического представительства, согласно предписаний Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18.04.1961 г., в соответствии с ч. 2 ст. 13 Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой «О статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики» от 20.09.2012 г. (Бишкек), пользуется личный состав объединенной российской военной базы, дислоцированной в Киргизии. Полной уголовной юрисдикцией России, согласно ст. 13 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан «О статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан» от 05.10.2012 г. (Душанбе), обладает и личный состав российской военной базы, дислоцированной в Таджикистане. Надо отметить, что данный подход установления юрисдикции для российских войск известен достаточно давно. Он впервые нашел свое закрепление в Конвенции «О содержании вспомогательных аксиларных войск российских в Швеции, а шведских – в России» от 30 июня 1727 г. [10, с. 226].

Ограниченной уголовной юрисдикцией пользуются российские войска, дислоцированные в Республике Армения. Так, согласно ст. 19 Договора между Российской Федерацией и Республикой Армения «О правовом статусе Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения» от 21.08.1992 г. (Москва), эти вопросы решаются следующим образом: а) по делам о преступлениях и проступках, совершаемых лицами, из числа российских войск (сил) или членов их семей, вне пределов дислокации этих войск, применяется законодательство Армении, действуют ее правоохранительные органы и суды; б) по делам о преступлениях и проступках указанных лиц, совершаемых в местах дислокации, либо при исполнении служебных обязанностей, а также по делам о воинских преступлениях, применяется законодательство РФ, действуют ее правоохранительные органы и суд. Компетентные органы Армении, в этом случае, обеспечивают по

постановлениям и судебным решениям соответствующих органов России содержание лиц, находящихся под стражей и их конвоирование; в) исполнение приговоров в виде лишения свободы, обязательного привлечения к труду, направления в дисциплинарный батальон, производиться на территории России; компетентные органы РФ и Армении могут взаимно обращаться друг к другу с просьбой о передаче или принятии юрисдикции в отношении отдельных дел, указанных в данной статье Договора. Аналогичные предписания о частичной уголовной юрисдикции российских войск, например, предусмотрены: в статьях 4 и 5 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «По вопросам юрисдикции и взаимной помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь» от 06.01.1995 г. (Минск); в ст. 12 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан «О статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан» от 20.01.1995 г. (Москва) и т.д.

С проблемой действия уголовного закона России в пространстве, относительно военнослужащих, тесно связаны вопросы их экстрадиции. В УК РФ данные общественные отношения регламентированы ст. 13, предписания которой прямо нельзя назвать военно-уголовными, но они имеют специфику применения к военнослужащим, и являются еще одним примером бланкетности. Помимо национального законодательства экстрадиция урегулирована рядом международных актов и соглашений (договоров). Базовыми из них являются: Европейская конвенция о выдаче (ETS N 024) от 13.12.1957 г. (Париж) и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г. (Минск) (далее – Минская конвенция 1993 г.). В теории уголовного права под экстрадицией (выдачей лиц, совершивших преступление), как правило, понимается передача преступника другому государству для судебного разбирательства или приведения в исполнение вынесенного приговора, осуществляемая согласно международным договорам и национальному конституционному, уголовному и уголовно-процессуальному законодательству [18, с. 27].

В специальной юридической литературе преобладает мнение, что экстрадиция – это право, а не обязанность государств, поскольку в международном праве не существует какой-либо универсальной нормы, которая бы распространялась на все государства, касательно обязанности ее осуществления. Такие обязанности могут возникать только при условии заключения между государствами соответствующих международных договоров⁴.

Что касается военной составляющей, то в этом случае необходимо отметить, что в международном праве утвердилось правило об ограничении выдачи лиц, совершивших правонарушение, предусмотренное военным правом и не являющееся правонарушением в соответствии с обычным уголовным правом.

В частности, в ст. 4 Европейской конвенции 1957 г. отмечается: «Выдача в связи с воинскими преступлениями, которые не являются преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом, исключается из сферы применения настоя-

⁴ При заключении таких договоров государства могут ориентироваться на Типовое соглашение о выдаче, принятое Генеральной Ассамблеей ООН от 14.02.1990 г., в ее резолюции за № 45/116.

щей Конвенции». Практически тождественные предписания предусмотрены и в п. «ж» ч. 1 ст. 89 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 г. (Кишнев) (далее – Кишиневская Конвенция 2002 г.), она не вступила в силу для России. Что касается Минской Конвенции 1993 г., то этот акт не содержит изложенных предписаний, а, соответственно, указанных в них ограничений.

Между тем, анализ юридической литературы показывает, что многие практики и ученые по-разному толкуют вышерассматриваемые положения. Так, старший военный прокурор управления надзора за исполнением законов при расследовании преступлений Главной военной прокуратуры РФ А.В. Брагин, поднимая проблему розыска дезертиров, отмечает, что все воинские преступления (против прохождения военной службы), согласно Кишиневской Конвенции 2002 г., «... отнесены к числу неэкстрадиционных» [19]. Очевидно, этот подход касается и предписаний Европейской Конвенции 1957 г. Указанная позиция обосновывается и утверждениями И.Ю. Белого, который отмечает, что Женевские Конвенции обязывают все государства разыскивать и придавать суду, либо выдавать всех лиц, подозреваемых в совершении серьезных, в том числе, военных преступлений. Предписания ст. 66 Кишиневской Конвенции 2002 г. (Минской Конвенции 1993 г.), предусматривают четкие условия их выдачи [20]. Из указанных утверждений следует, что в п. «ж» ч. 1 ст. 89 «Об отказе в выдаче» Кишиневской Конвенции 2002 г., речь ведется о запрете выдачи лиц, совершивших не военные, а воинские преступления. В противном случае, такой запрет будет противоречить вышеуказанным предписаниям как ст. 66 этой же Конвенции, так и Женевских и других специальных Конвенций, международных актов и договоров о военных преступлениях.

Иной точки зрения, например, придерживаются И.И. Лукашук и А.В. Наумов, которые понимают под рассматриваемыми преступлениями военные преступления, «... являющиеся таковыми в соответствии с военным правом и не являющиеся разновидностью правонарушений, предусматриваемых обычным уголовным правом ...» [9, с. 219]. Выдача (передача) военных преступников, в том числе и военнослужащих, осуществляется не по «общим» Конвенциям и договорам об экстрадиции, а предусмотрена специальными международными нормативными предписаниями, преимущественно, уставами международных трибуналов и т.д. [9, с. 112-122].

Надо отметить, что в большинстве государств «дальнего зарубежья» воинские преступления, в отличие от российской доктрины уголовного права, четко не выделяются, а охватываются более широкой по смыслу категорией преступлений, подпадающих под действие военно-уголовного законодательства. Как констатирует В.Н. Додонов, эта категория включает преступления против военной службы (воинские преступления), преступления любого лица против вооруженных сил и военной безопасности государства, а также преступления против законов и обычаев войны (военные преступления). В качестве примера необходимо привести уголовное законодательство Бразилии, Испании, Колумбии и т.д. Такой подход наблюдается во всех странах, где приняты военные уголовные кодексы или кодексы военной юстиции [21, с. 488]. Кроме того, многие страны бывшего соцлагеря традиционно объединяют военные преступления (против мира и безопасности человечества) и воинские преступления (преступления против прохождения военной службы), это, в частности, Болгария, Вьетнам, Молдавия, Украина и т.д. [21, с. 525].

Следует заметить, что в отличие от воинских преступлений, понятие которых раскрывается национальным законодательством, понятие военных преступлений, раскрывается международным уголовным правом. Так, Уставом Нюрнбергского военного трибунала указанные преступления определяются, как нарушения законов и обычаев войны [21, с. 523]. Предусмотренный этим международным документом перечень военных преступлений лег в основу их дальнейшей систематизации. Со временем, данный перечень дополнили также нормативные предписания четырех Женевских конвенций от 12.08.1949 г. и др.

Все изложенное, касательно проблемы экстрадиции военнослужащих, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в каждом конкретном случае необходимо исходить из предписаний международных актов, основанных на них соглашений (договоров) и национального законодательства, а при наличии несогласованностей между этими предписаниями, данная проблема должна разрешаться путем системного толкования указанных предписаний, анализа их корреспондирующих взаимосвязей с национальным законодательством. В свою очередь, необходимость согласованности данных предписаний вызывает появление связей субсидиарности (конкретизации, дополнения) или контрадикторности (протворечия). Как представляется, с целью усиления согласованности этих предписаний и сведения к минимуму их противоречий, российское уголовное законодательство должно конкретизировать предписания международных нормативных актов об экстрадиции военнослужащих и практики их применения, что позволит правоприменителям правильно реализовывать данные предписания, а соответствующим государственным органам учитывать их при заключении Российской Федерацией международных двухсторонних договоров.

Примером межотраслевого взаимодействия и восприятия уголовным законодательством нормативного материала международного права путем использования в статьях УК РФ терминологических конструкций являются предписания п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

По мнению Н.И. Пикурова, термины имеют особую роль в структуре межотраслевых связей, поскольку значительное число имплементированного в уголовное право материала переносится именно через термины другой отраслевой принадлежности [2, с. 377].

Указанные предписания отечественного уголовного закона определяют в качестве обстоятельства, отягчающего наказание военнослужащих, совершение преступления в условиях вооруженного конфликта или военных действий. Понятия «вооруженный конфликт» и «военные действия» повсеместно используются в международных актах, соглашениях (договорах) и практике международных судебных инстанций. Первое понятие раскрывается международным правом, а второе, его общепризнанными обычаями и доктриной.

Рассматриваемые условия для военнослужащих могут возникнуть как в военное время, так и в мирное время, при прохождении военной службы, на что уже обращалось внимание, в горячих точках, в том числе, за пределами России. Соответственно, возникает множество вопросов: что необходимо понимать под вооруженным конфликтом и военными действиями, прежде всего, с позиции международного права, можно ли считать таковыми, например, миротворческие или антитеррористические операции?

Понятие «вооруженный конфликт» четко не раскрывается базовыми актами международного права вооруженных конфликтов – Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительными протоколами к ним. Однако, такая попытка была сделана в Комментариях Международного комитета Красного Креста 2016 г. к I Женевской Конвенции, которыми вооруженный конфликт признается: «враждебным противостоянием между двумя или более государствами с боевым применением вооруженной силы» [22, с. 80]. Примечательными к этому определению являются пояснения О.Г. Безбабнова, который ссылаясь на международную судебную практику указал, что применение вооруженных сил не всегда признается вооруженным конфликтом. Исходя из прецедентов ЕСПЧ в отношении использования Вооруженных Сил РФ на Северном Кавказе, с включением в Объединенную группировку войск всех силовых структур и проведением контртеррористической операции на территории Чечни, то речь в этом случае идет: «... о реализации положений Европейской конвенции во внутригосударственном законодательстве при проведении контртеррористической операции, на которую не распространяются нормы права вооруженных конфликтов» [23, с. 50].

В свою очередь практика международных уголовных трибуналов *ad hoc* также выработала свой подход к раскрытию понятия «вооруженный конфликт». Одним из первых судебных решений, в котором раскрывается его содержание, стало решение Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (дело «Тадич»), в котором указывается: «Вооруженный конфликт имеет место всякий раз, когда государства прибегают к силе или когда происходит продолжительное вооруженное столкновение между правительственными силами и организованными вооруженными группами или же между такими группами внутри одного государства» [24, с. 70]. Данное определение получило свое дальнейшее закрепление в ряде международных актов, например, в предписаниях п. 2 «f» ст. 8 Римского Статута Международного уголовного суда [25, с. 70; 26, с. 45]. Как следует из его содержания, международное право выделяет два вида вооруженного конфликта – международного и немеждународного характера. В тоже время решение Международного Суда ООН по делу «Никарагуа против США» указывает, что вооруженный конфликт может быть одновременно как международного, так и немеждународного характера.

Что касается понятия «военные действия», то, как констатирует О.П. Паршина, в отечественном и международном праве, оно прямо не раскрывается. Преимущественно, в качестве терминологического оборота, это понятие употребляется в контексте определений «война» или «военный конфликт», либо во взаимосвязи с ними [27]. Примером этому могут служить действующие предписания ст. 1 Конвенции «Об открытии военных действий» от 18.10.1907 г. (Гаага). В доктринах международного права и отечественного военного права, указанное понятие рассматривается, как: «...организованное применение вооруженных сил государства (включая различные военизированные формирования и силовые структуры) для ведения войны на стратегическом уровне» [28]. Военные действия развертываются в соответствующих пространственных пределах, именуемых театром войны, т.е. территория воюющих государств (сухопутная, водная и воздушная), на которой они потенциально могут вести военные операции [23, с. 52]. С военными действиями тесно связано понятие «боевые действия», под которым в теории военного права принято понимать составную часть военных действий противоборствующих сторон, организо-

ванное применение воинских подразделений для решения оперативных, оперативно-тактических и тактических задач. Следовательно, эти понятия соотносятся между собой как целое и его часть [29].

Деяния, которые должны составлять институт ответственности за преступления, совершаемые против воинского правопорядка в военное время и в боевой обстановке, являются традиционными для российского уголовного права. В советской теории уголовного права и в законодательстве того времени, эти преступления делились на два вида: общевоинские, которые могли быть совершены как в мирное, так и в военное время, либо в боевой обстановке; специальновоинские, совершаемые только в условиях военного времени или боевой обстановки. В свою очередь, последние градировались на три группы: против порядка несения военной службы в боевой обстановке и в районе военных действий; добровольная сдача в плен и преступления, совершенные в плену; преступления против законов и обычаев войны [11, с. 486].

В Законе об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г., преступления, совершенные в плену, а также против законов и обычаев войны, были представлены следующим образом: преступные действия военнослужащего, находящегося в плену (ст. 29); дурное обращение с военнопленными (ст. 32), незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца, злоупотребление ими (ст. 33), насилие над населением в районе военных действий (ст. 31). В международном праве перечисленные преступления именуется военными преступлениями. Действующий УК РФ объединил их в ст. 356, носящей название «Применение запрещенных средств и методов ведения войны», Главы 34, Раздела XII «Преступления против мира и безопасности человечества». Предписания этой статьи являются примером имплементации в национальное уголовное право норм международного права.

Для реализации предписаний ч. 1 ст. 356 УК РФ необходимо применение предписаний соответствующих международных актов, к которым, например, относятся: Санкт-Петербургская декларация «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль» 29.11 (11.12) 1868 г. (СПб), IV Гагская Конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18.10.1907 г. (Гаага), Конвенция «О международной гражданской авиации» от 07.12.1944 г. (Чикаго), Устав Международного Военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08.08.1945 г. (Лондон), Женевские конвенции от 1949 г. (Женева), Конвенция «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14.05.1954 г. (Гаага), Конвенция «О запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие» от 01.10.1980 г. (Женева) и т.д., а предписаний, предусмотренных ч. 2 ст. 356 УК РФ, – Женевский протокол «О запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств» от 17.06.1925 г. (Женева), Женевские конвенции 1949 г., Конвенция ООН «О запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду» от 18.05.1977 г., (Женева), другие многочисленные международные акты, рекомендованные резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН, в частности, 1653 (XVI) от 14.11.1961 г., 2603 (XXIV) от 16.12.1969 г., 3255 (B) (XXIX) от 09.12.1974 г., 45/59 (B) от

04.12.1990 г., 47/53 (С) от 09.12.1992 г., Конвенция «О запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении» от 13.01.1993 г. (Париж) и др.

Таким образом, подводя итоги изложенному, необходимо отметить, что между отечественной системой правовых норм, обеспечивающих уголовно-правовую охрану воинского правопорядка, и международным правом (прежде всего, международными договорами) преимущественно действуют иерархические и координационные связи. Отмечается, что эти связи обуславливают уже давно назревшую необходимость проведения ревизии всей системы отечественного уголовного законодательства, в том числе и системы военно-уголовных норм, на предмет их адаптации и соответствия предписаниям международного права, международным договорам, участницей которых является Российская Федерация. Система военно-уголовных норм, в силу своей специфики, должна не только учитывать, но и конкретизировать указанные предписания (например, терминологические конструкции «воинские преступления, не являющиеся преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом», «вооруженный конфликт», «военные действия»), а некоторые из них требуют имплементации в национальный уголовный закон (в частности, положение об ответственности военнопленных), что позволит устранить существующие противоречия в данных отраслях законодательства и будет способствовать улучшению качества УК РФ.

Список литературы

1. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / Предисловие А.В. Наумова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 346 с.
2. Пикуров Н.И. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права // Г.Ю. Лесников, Н.А. Лопашенко, Ю.Е. Пудовочкин и др. СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. 699 с.
3. Кибальник А.Г. Влияние международного уголовного права на российское уголовное право: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. 427 с.
4. Ермолович Я.Н. Теоретико-правовые основы военно-уголовной политики в Российской Федерации: монография. М.: Юрлитинформ. 2012. 576 с.
5. Хомяков Е.В. Уголовный закон. Уголовное право России. Общая часть: учебник // под ред. Е.В. Круковского, А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2020. 303 с.
6. Международное право. Учебник / Под ред. Г.И. Тункина. М.: Юридическая литература 1994. 590 с.
7. Международное публичное право. Учебник / Под ред. К.А. Бякишева. М.: Проспект, 1999. 784 с.
8. Кириенко М.С. Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 229 с.
9. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: Учебник / И.И. Лукашук, А.В. Наумов. М.: Спартак, 1999. 509 с.
10. Бодаевский В.П. Особенности действия уголовного закона Украины относительно воинских преступлений в пространстве // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 219-235.
11. Военно-уголовное право: Учебник. 2-е изд. перераб. и доп.; под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. М.: РГУП, 2020. 624 с.
12. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. Т. 1. СПб.: Гос. тип. 1902. 832 с.
13. Білоцький С.Д. Міжнародно-правові питання статусу, захисту та відповідальності миротворчого персоналу // Європейські перспективи. № 1. С. 188-193.
14. Ромашев Ю.С., Фетищев Д.В. Юрисдикция государств в правоохранительной сфере. Монография / Ю.С. Ромашев, Д.В. Фетищев. М.: Научная книга, 2009. 48 с.
15. Мелков Г.М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М.: ВЮЗИ, 1988. 94 с.
16. Тузмухамедов Б.Р. Международное гуманитарное право и международные военные операции по поддержанию и восстановлению мира // Московский журнал международного права. Спец. выпуск, посвященный 50-летию Женевских конвенций 1949 года. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 83-91.
17. Российские миротворцы в Нагорном Карабахе: кто они, откуда и чем вооружены [Электронный ресурс]. Режим доступа. WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/2171206/4318995/> Название с титул. экрана.

18. Чучаев А.И. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Бодаевского, В.М. Зиминой, А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2018. 251 с.
19. Брагин А.В. К вопросу о некоторых проблемах международного сотрудничества в розыске и выдаче военнослужащих / А.В. Брагин // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pandia.ru>. Название с титул. экрана.
20. Белый И.Ю. Вопросы выдачи военнослужащих и иных лиц, совершивших военные преступления, для осуществления уголовного преступления в Кишиневской (2002 г.) конвенции участников СНГ / И.Ю. Белый // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voenprav.ru/doc-2909-1.htm>. Название с титул. экрана.
21. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: Монография / Под общ. и научн. ред. С.П. Щербы. М.: изд-во «Юрлитинформ», 2010. 544 с.
22. Commentary on the First Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. Geneva: International Committee of the Red Cross (ICRC), 2016. P. 80.
23. Право вооруженных конфликтов: Учебное пособие // Под ред. О.Г. Безбабнова и В.В. Ершова. М.: РГУП, 2019. 187 с.
24. TRIY, Prosecutor v. Tadic, Case No. IT-94-1-AR72, Appeals Chamber, Decision on the Defense Motion for interlocutory Appeal on Jurisdiction. P. 70.
25. Prosecutor v. Dusko Tadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, Case No. IT-94-1-A. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 2 October 1995, para 70.
26. Тузмухамедов Б.Р. Международно-правовая классификация вооруженных конфликтов: дефиниции и реальность. С. 45. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/File/2018/Tuzmukhamedov1.pdf>. Название с титул. экрана.
27. Паршина О.П. Военные действия как юридическое понятие (комментарий к статье 964 Гражданского кодекса РФ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.sovremennoepravo.ru>. Название с титул. экрана.
28. Словарь военных терминов // Составители А.М. Плехов, С. Г. Шапкин, М.: Воениздат, 1988 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: andex.ru/search/?text=организованное%. Название с титул. экрана.
29. Военный энциклопедический словарь // Официальный сайт Министерства обороны РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>. Название с титул. экрана.

Bodayevskiy V. P. International treaties as an external factor affecting the system of criminal law norms that ensure military law and order // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – P. 136-153.

The article reveals and examines the issues of the influence of international law, primarily international treaties, on the formation and functioning of the system of criminal law norms that ensure military law and order. The author substantiates the claim that hierarchical and coordination relations mainly operate between the domestic system of legal norms that provide criminal and legal protection of military law and order, and international law. It is noted that these connections cause the long-overdue need for an audit of the entire system of domestic criminal legislation, including the system of military criminal norms, for their adaptation and compliance with the requirements of international law, international treaties to which the Russian Federation is a party. The system of military criminal norms, due to its specifics, should not only take into account, but also specify these prescriptions (for example, the terminological constructions «military crimes that are not crimes in accordance with ordinary criminal law», «armed conflict», «military actions»), and some of them require implementation in the national criminal law, which will eliminate existing contradictions in these branches of legislation and will contribute to improving the quality of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: intersectoral relations, normative prescriptions, military law and order, international treaties, external factors, the system of criminal law norms, terminological constructions, implementation, criminal law, criminal liability of military personnel.

Spisok literatury

1. Konyahin V.P. Teoreticheskie osnovy postroeniya Obshchej chasti rossijskogo ugovolnogo prava / Predislovie A.V. Naumova. SPb.: Izd-vo «YUridicheskij centr Press», 2002. 346 s.
2. Pikurov N.I. Enciklopediya ugovolnogo prava. T. 1. Ponyatie ugovolnogo prava // G.YU. Lesnikov, N.A. Lopashenko, YU.E. Pudovochkin i dr. SPb.: Izdanie professora Malinina, 2005. 699 s.
3. Kibal'nik A.G. Vliyanie mezhdunarodnogo ugovolnogo prava na rossijskoe ugovolnoe pravo: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2003. 427 s.
4. Ermolovich YA.N. Teoretiko-pravovye osnovy voenno-ugolovnoj politiki v Rossijskoj Federacii: monografiya. M.: YUrlitinform. 2012. 576 s.

5. Homyakov E.V. Uголовный закон. Uголовное право Rossii. Obshchaya chast': uchebnik // pod red. E.V. Krukovskogo, A.I. Chuchaeva. M.: Prospekt, 2020. 303 s.
6. Mezhdunarodnoe pravo. Uchebnik / Pod red. G.I. Tunkina. M.: YUridicheskaya literatura 1994. 590 s.
7. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Uchebnik / Pod red. K.A. Byakisheva. M.: Prospekt, 1999. 784 s.
8. Kirienko M.S. Sistema Osobnoy chasti Uголовного kodeksa Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. CHelyabinsk, 2003. 229 s.
9. Lukashchuk I.I., Naumov A.V. Mezhdunarodnoe uголовное право: Uchebnik / I.I. Lukashchuk, A.V. Naumov. M.: Spartak, 1999. 509 s.
10. Bodaevskij V.P. Osobennosti dejstviya uголовного zakona Ukrainy otnositel'no voinskih prestuplenij v prostranstve // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013. № 1. S. 219-235.
11. Voенно-уголовное право: Uchebnik. 2-e izd. pererab. i dop.; pod red. V.V. Ershova, V.V. Homchika. M.: RGUP, 2020. 624 s.
12. Tagancev N.S. Kurs uголовного prava. T. 1. SPb.: Gos. tip. 1902. 832 s.
13. Biloc'kij S.D. Mizhnarodno-pravovi pitannya statusu, zahistu ta vidpovidal'nosti mirotvorchoho personalu // Evropejs'ki perspektivi. № 1. S. 188-193.
14. Romashev YU.S., Fetishchev D.V. YUridikiya gosudarstv v pravoohranitel'noj sfere. Monografiya / YU.S. Romashev, D.V. Fetishchev. M.: Nauchnaya kniga, 2009. 48 s.
15. Melkov G.M. Mezhdunarodnoe pravo v period vooruzhennykh konfliktov. M.: VYUZI, 1988. 94 s.
16. Tuzmuhamedov B.R. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i mezhdunarodnye voennye operacii po podderzhaniyu i vosstanovleniyu mira // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. Spec. vypusk, posvyashchennyj 50-letiyu ZHenevskih konvencij 1949 goda. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1999. S. 83-91.
17. Rossijskie mirotvorcy v Nagornom Karabahe: kto oni, otkuda i chem vooruzheny [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa. WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/2171206/4318995/> Nazvanie s titul. ekrana.
18. Chuchaev A.I. Uголовное право. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. V.P. Bodaevskogo, V.M. Zimina, A.I. Chuchaeva. M.: Prospekt, 2018. 251 s.
19. Bragin A.V. K voprosu o nekotorykh problemah mezhdunarodnogo sotrudnichestva v rozyske i vydache voennosluzhashchih / A.V. Bragin // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pandia.ru>. Nazvanie s titul. ekrana.
20. Belyj I.YU. Voprosy vydachi voennosluzhashchih i inyh lic, sovershivshih voennye prestupleniya, dlya osushchestvleniya uголовного prestupleniya v Kishinevskoj (2002 g.) konvencii uchastnikov SNG / I.YU. Belyj // [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://voenprav.ru/doc-2909-1.htm>. Nazvanie s titul. ekrana.
21. Sravnitel'noe uголовное право. Osobennaya chast': Monografiya / Pod obshch. i nauchn. red. S.P. SHCherby. M.: izd-vo «YUrlitinform», 2010. 544 s.
22. Commentary on the First Geneva Convention for the Amelioration of the Condition of the Wounded and Sick in Armed Forces in the Field. Geneva, 12 August 1949. Geneva: International Committee of the Red Cross (ICRC), 2016. P. 80.
23. Pravo vooruzhennykh konfliktov: Uchebnoe posobie // Pod red. O.G. Bezbabnova i V.V. Ershova. M.: RGUP, 2019. 187 s.
24. TPIY, Prosecutor v. Tadic, Case No. IT-94-1-AR72, Appeals Chamber, Decision on the Defense Motion for interlocutory Appeal on Jurisdiction. P. 70.
25. Prosecutor v. Dusko Tadic, Decision on the Defence Motion for Interlocutory Appeal on Jurisdiction, Case No. IT-94-1-A. International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia, 2 October 1995, para 70.
26. Tuzmuhamedov B.R. Mezhdunarodno-pravovaya klassifikaciya vooruzhennykh konfliktov: definicii I real'nost'. S. 45. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.imemo.ru/File/2018/Tuzmukhamedov1.pdf>. Nazvanie s titul. ekrana.
27. Parshina O.P. Voennye dejstviya kak yuridicheskoe ponyatie (kommentarij k stat'e 964 Grazhdanskogo kodeksa RF) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.sovremennoepravo.ru>. Nazvanie s titul. ekrana.
28. Slovar' voennykh terminov // Sostaviteli A.M. Plekhov, S. G. SHapkin, M.: Voenizdat, 1988 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: andex.ru/search/?text=organizovannoe%. Nazvanie s titul. ekrana.
29. Voennyj enciklopedicheskij slovar' // Oficial'nyj sajt Ministerstva oborony RF [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm/> Nazvanie s titul. ekrana.